

УДК 94(47)

Историческая динамика государственных форм в представлениях идеологов российского либерализма конца XIX в. – начала XX в.

В. В. Вострикова

В статье рассматриваются представления идеологов российского либерализма начала XX века об изменении государственных форм в Новое время. Показано, что основной политической тенденцией либералы считали переход от полицейского государства к конституционному и правовому. Помимо того, в рамках трансформации самого конституционного государства они отмечали переход от дуализма к парламентаризму, от монархии к республике и расширение самостоятельности административно-территориальных единиц.

Ключевые слова: либерализм; конституционное государство; дуализм; парламентаризм; монархия; республика; федерация.

Исследование воззрений идеологов российского либерализма начала XX века на проблему исторической динамики государственных форм представляет интерес и с политико-практической, и с научно-теоретической точки зрения. Во-первых, в условиях становления современной российской государственности чрезвычайно важен учет мирового исторического опыта политической модернизации, позволяющий вы-

явить доминантный вектор последней, а во-вторых, обращение к обозначенной теме способствует изучению либеральной концепции правового государства на теоретическом и практическом уровнях. Научная новизна данной работы обусловлена тем, что в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют специальные исследования представлений российских либералов о динамике государственных форм, а рассматриваются лишь отдельные аспекты избранной темы в ракурсе анализа либеральными мыслителями форм правления, государственно-территориального устройства, типов политического строя [12; 16].

Магистральной политической тенденцией Нового времени либеральные идеологи считали переход от полицейского (абсолютистского, бюрократического) государства к конституционному.

Отличительной чертой первого признавалась бесконтрольность власти, ее надзаконный и внезаконный характер и, как следствие, абсолютное бесправие подданных. Исходя из положения личности в полицейском государстве, либералы утверждали, что «нет другого государственного строя, в котором человеческое достоинство страдало бы так сильно» [8, с. 569]. Б. А. Кистяковский указывал, что, оскорбляя личность, полицейское государство убивает всякую личную и общественную инициативу и самодеятельность. Причем бюрократия прямо заинтересована в этом, поскольку во всяком проявлении инициативы со стороны общества видит покушение на свои полномочия.

Таким образом, абсолютистское государство определялось либералами как система административно-полицейского контроля и регламентации жизни подданных, ограничения их прав и свобод в интересах централизованной власти.

Вместе с тем идеологи российского либерализма замечали, что полицейскому государству даже «в моменты наибольшего развития его всепоглощающей деятельности» не удавалось полностью подчинить

жизнь каждой личности лишь своим интересам [7, с. 283]. «Именно отдельный человек, представляющийся с первого взгляда ничтожной величиной по сравнению с государством, — писал Б. А. Кистяковский, — оказывается наиболее сильным для него противовесом» [7, с. 283]. Правда, уточнял либерал, противопоставить себя государству способен не всякий, а только тот, в ком пробудилось сознание своего «я», своей личности. Для такого человека мелочная опека является совершенно невыносимой, он начинает отстаивать перед государством свои интересы и права. Постепенно эта позиция становится характерной для все большего числа людей, происходит неуклонная трансформация общественного сознания на базе либеральных и демократических ценностей, несовместимых с теорией и практикой полицейского государства. Все более значительную часть населения, указывали либералы, перестает удовлетворять роль объекта власти, средства для достижения чьих-то личных или корпоративных целей, все громче звучит требование предоставления подданным прав и свобод, участия в решении различных проблем общественно-политической жизни, так что падение старого режима становится вопросом времени. М. М. Ковалевский подчеркивал, что в борьбе за конституционное государство стремление к личной свободе играет вполне самостоятельную роль, и только «умственная близорукость может подсказывать некоторым защитникам народных интересов <...>, будто требования свободы суть классовые требования сытых» [9, с. 459]. Если раньше всего свобода была оценена в известных слоях общества, отмечал либерал, имея в виду представителей имущих классов, то не вследствие их бóльшей сытости, а вследствие бóльшей образованности.

Либерализация общественного сознания, как указывали мыслители, соединяется с объективной потребностью привлечения к управлению народных представителей, ибо бюрократический аппарат оказывается уже не способным адекватно реагировать на усложнение

управленческих задач и, в конечном итоге, обеспечить эффективное решение общественных проблем.

Таким образом, переход от полицейского государства к конституционному представлялся идеологам нового либерализма результатом рационализации власти [11, с. 285], идущей параллельно с процессом либерализации общественного сознания.

Однако либералы отмечали, что объективная неизбежность этого перехода отнюдь не предопределяла его мирный характер, поскольку старый режим «не сдавался без боя», широко используя для защиты репрессивные меры. «Это средство во многих государствах на довольно продолжительное время задержало введение конституции, — писал Н. И. Лазаревский, — но оно действительно только временно, когда политическое недовольство охватывает не особенно широкие круги населения, — весь народ ни сослать, ни посадить в тюрьму нельзя. Кроме того, это средство не устраняет недовольства существующим строем, но лишь препятствует этому недовольству выражаться, причем само является источником новых поводов к недовольству» [15, т. 1, с. 73]. В итоге со временем для поддержания старого режима «и для устрашения общества могут оказаться нужными репрессивные меры более тяжелые, чем какие по своему экономическому, гражданскому и культурному уровню общество способно выдержать, не заражаясь духом протеста, <...> не становясь безусловным и непримиримым врагом» власти, и когда такое состояние умов создалось, — заключал либерал, — падение старого режима ничем устранено быть не может [15, т. 1, с. 73]. Как указывал Б. А. Кистяковский, никакой государственный порядок не может быть долговечным, если он не находит себе опоры в общественном сознании [8, с. 570].

Замена полицейского режима конституционным, отмечал Н. И. Кареев, «совершалась главным образом путем революций, путем полно-

го ниспровержения старого строя для воздвижения на его развалинах совершенно нового здания» [4, т. IV, с. 233]. Исключение здесь составляла Англия, где конституционализм явился результатом длительной политической эволюции, т. е., по терминологии либералов, имел естественно-историческое, органически-эволюционное происхождение.

Своеобразие становления конституционных порядков, по мнению либеральных деятелей, предопределило значительную роль политического заимствования в этом процессе. Новое государственное здание в большинстве стран, указывал Н. И. Кареев, «пришлось создавать вновь и сразу, на пустом <...> месте, <...> по имевшимся уже образцам, на основании известных теоретических соображений», так что «все современные конституции имеют свой прототип в государственном устройстве Англии и являются лишь отдельными случаями практического применения, в сущности, одной и той же конституционной теории, в основу которой была положена своего рода идеология опять-таки английской же конституции» [4, т. IV, с. 231]. Аналогично утверждение М. М. Ковалевского. Отрицание прошлого в ходе становления конституционных государств, указывал он, совершалось во имя некоторой общей теории, которая была не только чисто абстрактным произведением политической мысли, но и обобщением и возведением в принцип некоторых уже существовавших в жизни образцов [9, с. 441]. Однако, по убеждению либералов, это было именно заимствование, а не подражание, ибо иностранные образцы приспособлялись, творчески перерабатывались применительно к конкретным условиям с учетом особенностей национальной истории и психологии. Причем переработка эта, отмечал М. М. Ковалевский, зачастую осуществлялась в направлении демократизации английских учреждений, к чему подготовили Европу французские просветители [9, с. 387–388, 418]. Таким образом, в случае формирования конституционных государств, указывал Н. И. Кареев, имела место не столько органически-эволю-

ционная сторона исторического процесса, сколько преднамеренно творческая [4, т. IV, с. 231].

Определяя значимость перехода от абсолютистского государства к конституционному, либералы отмечали, что «конституционные учреждения преобразовали всю <...> государственную и политическую жизнь, дав народным массам возможность участвовать в ней и определять ее. Они открыли пути и создали средства, при помощи которых народ может организовывать свое государство и направлять его деятельность. Если еще в первой половине XVIII века признавалось бесспорной истиной, что свобода и демократия невозможны в обширных государствах, обладающих десятками миллионов жителей, то теперь не возбуждает больших возражений обратное мнение. Эта коренная перемена во взглядах объясняется тем опытом, которым мы обязаны конституционным учреждениям и, прежде всего, народному представительству» [6, с. 292–293]. Помимо парламента с законодательными полномочиями, важнейшими элементами конституционной государственности либеральные деятели считали конституцию, закрепляющую права и свободы граждан, разделение властей, ответственность министров, административную юстицию.

По мнению либералов, дальнейшая трансформация конституционного государства будет осуществляться в нескольких направлениях. Во-первых, по линии расширения прав и свобод граждан, в перечне которых важнейшее место займет «право на достойное существование» как гарантия реализации всех прочих субъективных прав. Поясняя эту мысль, П. И. Новгородцев указывал, что «пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств», так что свобода «может остаться недостижимым благом, закрепленным <...> юридически и отнятым фактически» [17, с. 322–323]. Иными словами, отечественные либералы предрекали усиление социальной функции государства, связанной, прежде всего, с реализацией «права на достой-

ное существование» для граждан, т. е. гарантирование государством комплекса социальных прав — права на труд, на отдых, на здоровые и безопасные условия труда, на забастовку, на защиту от безработицы, на социальное обеспечение и социальное страхование, на образование, на пользование достижениями культуры и т. п. Подчеркивая данную тенденцию в развитии правового государства, Б. А. Кистяковский и С. И. Гессен выдвинули понятие «правового социализма».

Второе направление трансформации правового государства либералы начала XX века связывали с демократизацией принципов формирования народного представительства (в условиях бикамерализма это предполагало избрание нижней палаты на основе 4-хвостки и демократизацию состава верхней палаты) и усилением его роли в осуществлении государственной власти.

Последняя тенденция находила отражение в переходе от дуализма к парламентаризму. Коренное различие между данными типами политического строя конституционного государства идеологи нового либерализма видели в процедуре назначения правительства и контроля над ним. Если в дуалистических государствах кабинет министров назначался главой государства единолично, то в парламентарных глава государства вынужден был советоваться с парламентом. Исходя из этого, при дуалистической системе министры оставались у власти, пока были угодны главе государства, при парламентарной — пока удовлетворяли не только его, но и парламент, иными словами, во втором случае существовала политическая ответственность министров перед народным представительством.

Отдавая предпочтение парламентарной системе, либералы вместе с тем отмечали, что становление того или иного типа конституционного государства есть результат взаимодействия целого ряда факторов: исторических традиций, находящих преломление в уровне и особенностях политической культуры населения, степени развитости партийной

системы, наконец, расстановки политических сил в момент формирования конституционализма. Дуалистический тип государства, указывали они, как правило, формируется в тех политических культурах, где традиционно сильны позиции монархического начала. Однако, в отличие от немецких ученых, отечественные либеральные государствоведы не склонны были отводить монархическому фактору решающую роль [1, с. 51]. Большое значение, с точки зрения последних, имел способ возникновения конституции: договорный или октроированный. По наблюдению С. А. Котляревского, политический дуализм был характерен для октроированных конституций [14, с. 205, 207].

В плане государственно-территориального устройства историческая эволюция, с точки зрения либералов, проявлялась в переходе от строго централизованных государств к государствам с различной степенью децентрализации: автономии, областной автономии и федерации. При этом первая трактовалась как предоставление государством функций самоуправления отдельным регионам, деятельность которых, однако, определялась общегосударственным законодательством. Областная автономия предполагала дальнейшее развитие принципа децентрализации — предоставление отдельным частям государства (автономной области или краю) возможности иметь свои законодательные собрания, обладающие правом издания местных законов совместно с центральной властью. Однако автономные области не наделялись государственным суверенитетом, а получали частичную политическую самостоятельность в рамках единого государства. И, наконец, федерация определялась как государственно-правовой союз — сложное государство, субъекты которого (отдельные государства) подчиняются власти единого федерального центра. При федеративной системе, по мнению либералов, власть составляющих ее государств самостоятельна, но не суверенна, а, значит, они теряют право выхода из федерации актом своей односторонней воли [11, с. 303].

Конституционное государство либералы связывали с различными вариантами децентрализации, предполагая, что со временем преобладающим ее типом станет федерация, ибо она дает возможность сочетать выгоды мелкого государства, в котором демократия мыслима, с бóльшей безопасностью, которая обеспечивается значительностью территории и населения федеративного государства [9, с. 421].

Основной тенденцией эволюции форм правления большинство идеологов нового либерализма считали переход от монархии к республике. Вместе с тем, обращаясь к политическому опыту западных стран, они указывали, что при становлении принципов конституционализма выбор формы правления определяется совокупностью факторов, решающим среди которых является степень устойчивости монархических традиций. Так, европейские страны, где в силу длительного существования монархической формы правления в общественном сознании глубоко укоренилась идея наследственного единоличного главы государства, от абсолютизма перешли к конституционной монархии. Как отмечали либералы, монархический принцип здесь всегда был выше критики, острее которой, как правило, направлялось против бюрократии, искажающей справедливую волю верховной власти. И даже в тех редких случаях, когда объектом недовольства становился монарх, критиковали данного конкретного правителя, а не саму монархию. В народной психологии наследственный носитель верховной власти выступал в качестве гаранта порядка, стабильности и справедливости, отсутствие которого приведет к хаосу [15, т. 1, с. 75].

«Необходимо стечение крайне неблагоприятных условий, — указывал М. М. Ковалевский, — чтобы заставить народ, привыкший жить под покровом исторической династии, свято сохраняющий свои конституционные обязанности по отношению к призвавшей его нации, произвести республиканский переворот» [10, ч. 2, с. 17].

Помимо этого, выбор европейских стран в пользу конституционной монархии, с точки зрения Ф. Ф. Кокошкина, был вызван еще рядом причин. Во-первых, европейские правящие династии представляли собой серьезную политическую силу, не желавшую уступать своих позиций. Во-вторых, огромное значение имело то обстоятельство, что сама конституционная теория сложилась на английском образце. И, наконец, сыграло роль соображение международного характера: в монархической Европе легче было добиться признания и поддержки монархическому государству [11, с. 286–287].

Следует отметить, что полнота осуществления конституционных принципов и, следовательно, свободы личности, не увязывалась либералами напрямую с формой правления. Как пояснял М. М. Ковалевский, «вопрос надо поставить более широко»: «не в наличности или отсутствии правящей династии надо видеть ближайшее различие политической организации народа, а в большей или меньшей автономии личности, с одной стороны, и большем или меньшем участии всего гражданства в руководстве политической жизнью страны, с другой» [10, ч. 2, с. 19–20]. А это зависело от типа политического строя: дуалистического или парламентарного. Не случайно, сравнивая английскую парламентскую монархию и американскую президентскую республику, либералы отдавали предпочтение первой как государственной форме, в большей мере соответствующей идеалам либерализма и демократии.

Анализируя политический опыт западных стран, идеологи российского либерализма ясно видели, что конституционное государство претерпело эволюцию в направлении утверждения в качестве доминантной составляющей общественно-политической жизни правовых начал, тем самым трансформируясь в правовое государство.

Следует отметить, что по проблеме соотношения понятий конституционного и правового государства в либеральной мысли не было единства мнений. Н. И. Кареев, Ф. Ф. Кокошкин, Б. А. Кистяковский

считали эти понятия тождественными. «С нашей точки зрения, — писал, в частности, последний, — правовое государство есть вполне и последовательно развитое конституционное государство» [8, с. 599]. По мнению Ф. Ф. Кокошкина, «конституционное государство есть практическое осуществление идеи правового государства» [11, с. 261].

Неоднозначна позиция В. М. Гессена. С одной стороны, он утверждал, что данные понятия синонимичны, а с другой стороны, указывал, что реализация конституционных начал — необходимое, но не достаточное условие правового государства [3, т. 1, с. 135]. Подзаконность правительственной власти здесь должна быть дополнительно обеспечена сведением к минимуму дискреционного характера ее полномочий. В зависимости от реализации этого условия, считал В. М. Гессен, конституционное государство может быть более или менее правовым [2, с. 67]. Из этого следует, что либерал все же не отождествлял конституционное и правовое государство.

За четкое разграничение двух государственных типов высказывались С. А. Котляревский и Г. Ф. Шершеневич. Последний, исходя из первичности государства по отношению праву и, следовательно, правовой несвязанности государства, объявлял концепцию правового государства теоретически необоснованной. Вместе с тем, признавая обеспечение правового характера государственной деятельности важнейшей проблемой, поставленной государству временем, Г. Ф. Шершеневич видел «наилучшее, по воззрениям времени, средство» для ее разрешения в конституционном государстве [18, т. 1, с. 247]. По сути, аналогичного взгляда придерживался С. А. Котляревский, утверждавший, что «правовое государство не есть <...> строго очерченный тип», а только «известный уклон, устремление, запечатлевшееся в государственном строении и деятельности» [13, с. 350]. Отсюда правовое государство, по мнению ученого, есть понятие метаюридическое, относящееся к миру идей, «но идей, неизменно осуществляющихся и

преобразующих факты» [13, с. 350]. На этом основании либерал рассматривал различные типы государств как исторические воплощения идеи правового государства. Б. А. Кистяковский, считавший такой подход методологически ошибочным, отмечал, что можно ставить «вопрос только о различном проникновении права или правовых принципов в различные типы государства, а отнюдь не самого правового государства или его принципов» [8, с. 557–558].

Таким образом, несмотря на некоторое различие в трактовке соотношения понятий правового и конституционного государства, либералы единодушно отмечали органическую связь двух государственных типов, считали конституционный способ организации государственной власти наиболее реальным способом воплощения на практике принципов правового государства. Отсюда утверждение о тождественности базовых характеристик конституционного и правового государства, включавших законодательное народное представительство, гражданские и политические права и свободы личности, разделение властей, ответственность министров и административную юстицию. Вместе с тем, отечественные мыслители указывали, что в правовом государстве функционирование данных институтов подчинено реализации основополагающей идеи — идеи верховенства права.

Считая правовое государство наиболее адекватным на тот момент средством для реализации свободы личности, либералы были далеки от объявления его конечным общественным идеалом. «Мы не признаем абсолютно-совершенных политических форм, — писал А. А. Кизеветтер, — каждую из них мы считаем временно-преходящей категорией, и мы думаем, что этой непрестанной сменой общественных форм человечеству всегда суждено наполнять свое историческое существование» [5, с. 141–142]. Таким образом, либеральные мыслители отставивали идею бесконечности исторического прогресса государственных форм, объявляя при этом его критерием и целью свободную личность,

что придавало историческому прогрессу в их понимании гуманистический характер.

Литература

1. *Гессен В. М.* О правовом государстве / В. М. Гессен. — Санкт-Петербург : Н. Глаголев, 1906. — 62 с.
2. *Гессен В. М.* Основы конституционного права / В. М. Гессен. — Петроград : юрид. кн. скл. «Право», 1917. — 439 с.
3. *Гессен В. М.* Теория правового государства / В. М. Гессен // Политический строй современных государств : сб. ст. — Санкт-Петербург : тип. СПб акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1905—1906. Т. 1. — С. 117—187.
4. *Кареев Н. И.* Происхождение современного народно-правового государства / Н. И. Кареев // Антология мировой политической мысли : в 5 т. — Т. IV. — Политическая мысль в России, вторая половина XIX—XX вв. — Москва : Мысль, 1997. — С. 224—235.
5. *Кизеветтер А. А.* Post-scriptum к статье г. Бердяева // Русская мысль. — 1908. — № 7. — С. 139—144.
6. *Кистяковский Б. А.* Государственное право: общее и русское. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908—1909 гг. / Б. А. Кистяковский. — Москва : Изд. студ. комиссии Общества взаимопомощи студентов Коммерческого института, 1908. — 384 с.
7. *Кистяковский Б. А.* Государство и личность / Б. А. Кистяковский // Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. — Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 1998. — С. 323—346.
8. *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. — Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. — 704 с.
9. *Ковалевский М. М.* Общее конституционное право : Лекции, читанные в СПб университете и Политехникуме. 1907—08 / М. М. Ковалевский. — Санкт-Петербург : Изд. студента Н. П-м, 1908. — 386 с.
10. *Ковалевский М. М.* Прогресс // Ковалевский М. М. Избранные труды : в 2-х ч. / М. М. Ковалевский. — Москва : РОССПЭН, 2010. Ч. 2. — 445 с.
11. *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. — 2-е изд. — Москва : Изд. Бр. Башмаковых, 1912. — 306 с.

12. *Корнев В. Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX вв. / В. Н. Корнев. – Москва : Юрлитинформ, 2005. – 337 с.

13. *Котляревский С. А.* Власть и право. Проблема правового государства / С. А. Котляревский. – Москва : Мысль, 1915. – 417 с.

14. *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора / С. А. Котляревский. – Санкт-Петербург : Тип. Альтшулера, 1907. – 250 с.

15. *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву : в 2 томах / Н. И. Лазаревский. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Слово, 1910. – Т. 1 : Конституционное право. – 1910. – 479 с.

16. *Мамитова Н. В.* Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX – начало XX вв.) / Н. В. Мамитова. – Москва : Моск. гос. ун-т коммерции, 2001. – 127 с.

17. *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения / П. И. Новгородцев. – Москва : Раритет, 1995. – С. 321–326.

18. *Шершеневич Г. Ф.* Философия права / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – Т. 1 : Часть теоретическая. Вып. 1 : Общая теория права. – 320 с.

© Вострикова В. В., 2012

Historical Dynamics of State Forms in the Conception of Russian Liberalism Ideologists in late XIX – early XX Centuries

V. Vostrikova

The article considers conceptions of the ideologists of Russian liberalism in the early twentieth century, concerning changes of the state forms in Modern Times. It is shown in the article, that liberals considered the transition from the police state to the constitutional and legal state as the main political trend. In addition, under the transformation of the constitutional state, they noted the transition from dualism to parliamentarism, from monarchy to republic and the expansion of self-administrative units.

Key words: liberalism; the constitutional state; dualism; parliamentarism; monarchy; republic; federation.

Вострикова Влада Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал в г. Орле), vostr68@mail.ru.

Vostrikova, V., Ph.D. in History, assistant professor of economic history, politics and culture Chair, All-Russian State Distance-Learning Institute of Finance and Economics (branch in Orel), vostr68@mail.ru.